

Георгий Мосешвили

Стекло Галле

Стекло Галле живет, как бы во сне,
как бы во тьме, где музыка распалась
без звука, в той немыслимой стране,
где счастьем время смерти начиналось.
Где вновь из побежденной немоты
восстала жизнь искусства городского,
и символом мистической мечты
преображались камень, цвет и слово.

Начало века — до великих войн —
наивный мир беспечности невинной...
Стекло Галле, прозрачный воздух твой
еще живет надеждою старинной...
Но для исчезновенья нет цены
осколкам — и безвременно забвенье:
стеклянные фигуры и растенья
становятся трофеями войны.

Фарфоровой эпохи зеркала,
вечерний Климт и Бёрдслей в переплете
тисненном, небо в глубине стекла
Галле, звезда крылатая в полете,
изысканность цветов Луи Эсто,
художника, — и мастеров-граверов, —
на языке снарядов и затворов
всё это превращается в ничто.

Но там, где бойней стала болтовня
и легкой веры выжжены понятия,
стекло без слез, не оставляй меня
наедине с моим стальным проклятьем!
Я окружен бессмысленной толпой
штампованных предметов. Убивая
меня во мне, владеет неживая
материя судьбой души слепой.

Стекло Галле, я в полусне твоём
лишь безделушка, чье предназначенье
нелепо. Мне ли видеть белым днем

незримое вечернее свечение...
Но где-то, в недоступной глубине
эпохи звезд без лагерей и гетто,
живет стекло Галле, — как бы во сне
звонящий воздух музыки рассвета.

ПАМЯТИ ГАЛАКТИОНА ТАБИДЗЕ

Застывший в некой горестной мольбе,
Герой восставший пасынок свободы,
Из дней моих, Галактион, к тебе
Иду я сквозь земные непогоды.

Чернеет ночь, исторгнувшая свет
Из горных недр. И мертвенно мерцанье
Постылых звезд, и кажется, что нет
Прощения — и вечно лишь прощанье.

Над дольным злом, над папертью зимы,
Над пропастью, что издревле бездонна,
К тебе, Галактион, из царства тьмы
Ведет меня немая Антигона.

Молчание владеет всей землей,
Железным ветром сломлены растенья.
И мы живем за каменной стеной
Безмолвным ожиданием успенья.

И вот, сквозь ворох ветреных времен,
Из царства тьмы, простершегося между
Небесных тел, — к тебе, Галактион
Я возношу последнюю надежду.

XXXXX

Незаметный, знакомый ландшафт в антикварном романе;
отражение времени скрыто в цветущем стекле.
На земле дом из дерева, травы без мертвых названий,
тишина за окном и живая смола на стволе.
Новой жизнью страниц, словно ветер, головокруженье,
торжество без обмана, — и, воздухом, влажным до слез,
дикой флоры — лист вырван и вложены листья — владенья,

и движение в сюжете вращением неспешных колес.
Но дорога закрыта и нет иллюстраций. Не зная,
что же делать, герой исчезает на несколько лет.
Ветхой прозы пространство рекою течет, огибая
очертанья предметов и повествованья предмет.
Я узнал это место, как будто, но здесь многоточье...
Воздух вычищен, /здесь запятая/, но мне тяжело
им дышать. Я когда-то здесь жил. Но холодную ночью
без проверенных знаков тускнеет цветное стекло.
Дом удобен и скучен. Деревья, как будто из камня.
Травы названы и мифология приручена.
И на желтых страницах романа ищу я, куда мне
скрыться без вести, чтоб за окном ожила тишина.
Нет последней главы. Содержания не существует.
Бьется темное слово над белым листом на столе...
И от мертвой реальности я возвращаюсь вслепую
в неизвестный роман — в мой единственный дом на земле.

БУГИ ПОЛНОЙ ЛУНЫ

Это встреча столетий и голос камней
Истоптанной мостовой.
Это облако слез в фейерверке теней
И пламя над тишиной.
Это дождь и безумная пляска звезд
Там, где окна темны.
Это последний сожженный мост —
Буги полной луны.

Вечный танец крылатых существ огня —
Крылья бабочек наших лет.
Это вечная память вчерашнего дня
Триумфальный парад планет.
Это горечь нежности в темный час
Ночью поздней весны.
Это время стало жизнью для нас —
Буги полной луны.

Грохот города, века железный марш
Чей-то плачущий тихий смех
Над бумагой пляшущий карандаш

И последний тающий снег.
Мы хороним молодость мертвых дней,
Мы танцуем. Из тишины
Рвется музыкой наш хоровод теней —
Буги полной луны.

Не сомнамбулы и не безумцы. Нет,
Это век наш сшел с ума.
Это встреча столетий, парад планет
В наших душах — лунная тьма.
Человечество, день пройдет — и опять
Ты увидишь прежние сны.
Что нам — смерть? У танцующих не стянуть
Буги полной луны...

х х х

Дарвин заводит шарманку свою
И происходят различные виды
Трав и животных. В едином строю
Люди и черви, козлы и сильфиды
Множатся в благоприятной среде,
В совокуплениях, страхе, вражде...
Жизнь их конечна и смерть первозданна.
Во исполнение великого плана
Крутит шарманку старик неустанно
И наблюдает круги на воде.

АНТИЧНОСТЬ

Ты все еще смеешься меж ветвей
Тех диких яблонь, вечно обреченных
Цвести, твоих сестер неприрученных
В пустом саду последних Гесперид.

Твой смех, подобно бабочке, летит —
И дряхлый Хронос камешки бросает
В речную тишь. Забытое всплывает
Со дна речного памяти твоей...

Несет в пустых объятиях Морфей
Всё те же сны для нищих и влюбленных:
Плоды бессмертья, привкус слез соленых;
На дне забвенья — камешки обид...

И муза Клио свой урок твердит,
Но и она под вечер умолкает,
И только ночью легкий смех встречает
В саду твоих непрощенных гостей.

.....